

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Наука о познании, эмоциях, эволюции

Цель: раскрыть генезис, основные этапы становления и развития научных представлений о художественной литературе с позиций когнитивного литературоведения, объяснить суть его концепций, получивших распространение в интерпретации литературы и культуры.

Ключевые слова: познание, эмоции, эволюция, когнитивное литературоведение.

Введение в когнитивистику

Наука и литературная критика раньше казались далекими друг от друга, но расстояние между ними быстро сокращается. Действительно, старая модель мышления, которая помещала науку в положение превосходства над литературными штудиями, в новой культурной интерпретации кажется все менее оправданной. Литературоведы уже изучают такие вещи, как психологический аффект, когнитивистика и биология, которые попадают в область естественных наук; все чаще культура и художественные образы рассматриваются как имеющие решающее значение для физического развития человека.

Слова и образы являются физическими продуктами ума, а идеи и чувства, которые они представляют, одинаково физиологичны. Слова и визуальные образы оказывают физическое воздействие на мозг, провоцируя химические реакции и стимулируя определенные конкретные его области. Обучение культуре изменяет физический состав мозга, расширяя размеры его определенных участков. Профессия лондонского таксиста, например, изменит ваш мозг, как и любая повторяющаяся деятельность, такая как игра на скрипке или решение математических задач.

Социальное, культурное и художественное измерение человеческой жизни имеет важное значение для нашего физического, эмоционального и когнитивного развития. Без хорошего воспитания нет хорошего характера. Мы подошли к той точке биологического развития, когда нам нужна помощь наших культурных инструментов и социальных процессов, если мы хотим в наибольшей мере реализовать наш потенциал как физических существ. Ментальные репрезентации теперь рассматриваются как важная особенность когнитивного функционирования, которая необходима для цивилизованного поведения и контроля негативных эмоций. Наша способность применять ментальные репрезентации к автоматическим эмоциональным реакциям, таким как предрассудки, предубеждения, инстинкты, помогает нам регулировать и преодолевать наследственные примитивные черты нашей биологической сущности. Ментальные репрезентации делают нас людьми не только в культурном, но и в нейробиологическом смысле.

Литература материальна, потому что она состоит из изображений слов на странице, но она также является материальной, потому что она воплощает познание, которое само по себе закреплено в наших телесных переживаниях. Теоретики когнитивистики полагают, что наши ментальные представления телесны, так как основаны на пространственных схемах, таких как вверх/вниз, вперед/назад, которые имитируют то, как наши тела движутся в пространстве и испытывают физическое воздействие этого мира. Материальность мысли теперь находится вне сознания в нашей постидеалистической вселенной.

Например, образ короля Лира Шекспира – это многоаспектный феномен, включающий очень многое – от аргументов политического плана до гендерных отношений, но, по словам Дональда Фримена, это также когнитивное упражнение, которое проектирует основные схемы тела в когнитивные метафоры, которые формируют отношения между персонажами в пьесе.

Лир требует взаимного баланса даров от своих дочерей, и в конечном итоге он должен научиться вместо этого другой метафорической проекции базовой телесной схемы: семейным узам. Он учится коммуницировать с другими, такими, как сумасшедший Том, и этот опыт учит его как общаться с дочерью Корделией, которую он ранее выгнал из дворца. Ход пьесы можно интерпретировать по-разному во многих отношениях, но одно остается неизменным – это переход от одной когнитивной метафоры, привязанной к телесному опыту, к другой.

Интерес теории литературы к человеческим эмоциям теперь также кажется менее ненаучным, чем это было несколько десятилетий назад, когда идеал научного факта доминировал в литературном исследовании, а аффективное (эмоциональное) измерение

жизни было презираемо как «заблуждение». Значительная часть нашего жизненного опыта аффективна, а аффект действует автономно от сознания. Когда мы испытываем определенные произвольные аффекты, такие как стыд, мы осознаем, насколько наше сознание подрывается физическими эмоциональными процессами, которые редко находятся в пределах досягаемости нашей сознательной способности к самоконтролю. А эмоции всегда занимали центральное место в литературе, от скорби Ахиллеса или Антигоны, до тоски или страсти Гэтсби.

Способность контролировать эмоции – это стойкое измерение добродетели в человеческой культуре, а борьба между разумом и страстями занимает центральное место в религиозных дискурсах, которые очень повлияли на литературные традиции Запада. Одним из компонентов романтизма, литературного движения, которое овладело Западной Европой в начале девятнадцатого века, является убеждение, что эмоции играют центральную роль в человеческом опыте. Для Натаниэля Хоторна, творившего в эпоху романтизма, основой демографической политики было, например, «великое сердце», человеческое сопереживание, связавшее всех людей вместе в сообществе равных.

Изучение эмоций также привлекает внимание в пересечении литературы и нейронауки. Ученые теперь знают, что определенные эмоции, такие как предрассудки, предубеждения, инстинкты, возникают в определенной области мозга – в миндалине, миндалевидном теле, которое характеризуется автоматическими или произвольными негативными эмоциональными реакциями. Такие реакции являются очень быстрыми и трудноуправляемыми для некоторых из нас, потому что область мозга, которая их контролирует, дифференцированно распределяется среди особей человеческой популяции. Некоторые из людей имеют большую переднюю периферическую кору, и в результате их способность осуществлять эмоциональный контроль сильнее. Те, у кого меньше передняя периферическая кора и больший объем миндалевидного тела мозга, области, которая генерирует автоматические негативные эмоциональные реакции, испытывают больше инстинктивных наклонностей.

Для изучения культуры важно то, что основным механизмом, который кажется наилучшим для того, чтобы тормозить автоматические негативные эмоциональные реакции, является ментальное представление, которое помещает изображение в место автоматической реакции в мозге и препятствует его выражению. В некотором смысле наша врожденная способность к культуре и семиозису играет важную роль в регулировании аффекта и делает нас более дружелюбными друг к другу. Культура, то есть наша способность создавать образы, представления и знаки, после ее появления в человеческой истории позволяла нам быстрее социализироваться.

Эволюционная теория стала очень важной и для литературно-теоретического обсуждения. Наши эмоциональные реакции являются наследственными по происхождению. Они датируются тысячами лет. В какой-то момент все наши физические особенности помогли нам адаптироваться к окружающей среде, которая часто оказывалась вредной и опасной. Не все пережили определенные экзогенные катаклизмы или жестокость своих собратьев по племени. Те, кто выжил, сумели это сделать, потому что их генетический состав мутировал так, что они приобрели новые черты, которые сделали возможным выживание. Поскольку те, у кого была мутация, выжили, новые черты, носителями которых они являлись, вошли в геном и стали частью нашего общего наследия. Вот почему эмоциональные реакции, такие как предубеждения и инстинкты, настолько интересны для рассмотрения с эволюционной точки зрения.

Как происходила адаптация? Что способствовало выживанию человека? Вероятно, на планете нет ни одного человека, который не испытал бы предубеждений в какой-то момент, не имел бы предрассудков, стереотипного инстинктивного поведения. Почему? Потому что у всех нас есть миндалина, миндалевидное тело мозга – центр страха в мозге. А миндалина, даже контролируемая другими частями мозга, автоматически отправляет сигналы инстинктам в ситуациях угрозы или опасности. Это происходит потому, что такие инстинкты оказались полезными для выживания в какое-то отдаленное время в прошлом, когда миндалина была одной из немногих частей мозга, помогающих выжить. Миндалевидное тело постоянно сканирует окружающую среду и всегда готово включить сигнал тревоги. Если бы архаические люди недостаточно внимательно относились к рычанию в кустах, они бы не выжили. Всегда и во всем видеть опасность – так было задумано природой.

Но зачем бояться людей из других сообществ? Было высказано предположение, что инстинкты защищали людей от посторонних, носителей опасных патогенов. Если вы живете достаточно долго в одной и той же социальной группе, вы привыкаете к своим патогенам и вырабатываете защиту против них. В какой-то момент те, кто боялись аутсайдеров, заражались реже и выживали чаще, чем те, кто этого не делал, потому что они были менее склонны этого опасаться. Другая версия заключается в том, что нужно опасаться всех окружающих. Наш предок *Homo Erectus* развивался в условиях геноцида, его череп эволюционировал так, чтобы напоминать черепаховый панцирь для защиты от ударов его же соплеменников. Страх и предрассудки – эмоциональные продукты миндалины – были полезными для адаптации в столь опасном социуме.

В генетике идет дискуссия о том, как появились мутации, такие как те, что вызывают предрассудки/предубеждения/инстинкты. Так называемая Стандартная модель генетики утверждает, что мутации происходят случайным образом и выборочно сохраняются, но некоторые мутации, по-видимому, возникают в ответ на окружающую среду, так как люди эволюционируют благодаря способности мутировать в ответ на экологические стрессы. Этот процесс может напоминать то, что происходит с вирусами, которые создают новые, каждый раз немного разные версии себя при атаке антигенами. Внешние факторы провоцируют мутацию.

Эта проблема генезиса мутаций еще не решена окончательно, но очень интересен ее потенциал: какая человеческая среда должна быть построена для улучшения эволюционных качеств человеческого сообщества – либо это жесткая конкуренция, либо дружелюбная среда с заботой, сочувствием и поддержкой различных гуманитарных институтов? И это вопрос не только политической, но и эволюционной озабоченности, поскольку окружающая среда играет роль в том, какие виды генной экспрессии и какие виды мутаций могут возникнуть в ответ на окружающую среду (включая человеческую среду, нишу человека как биологического вида). Мы говорим, что политическая борьба всей человеческой популяции была борьбой за душу человека, но было бы более точно сказать, что эта была работа над развитием нашей биологии.

Популярная модель генов и генетической детерминации представляет собой как бы командира корабля, отдающего приказы подчиненным. Но было бы более точным сравнить способ работы генов с работой на судне, оснащенном датчиками, которые ведут судно сквозь аномалии погоды и вносят коррективы в то, как оно работает. Локальная адаптация, при которой организмы меняют конфигурацию в зависимости от климата или окружающей среды, является обычным явлением. Люди также могут быстро изменяться в ответ на новые среды, которые они создают для себя сами. Оглядываясь на историю культуры, мы видим доказательства таких корректировок. Геноцидная жестокость нашего предка *Homo Erectus* со временем уменьшилось, и *Homo Sapiens* развил больше возможностей для самоконтроля негативных эмоций, так что насилия в человеческой жизни стало меньше.

Роман, подобный «Алой букве» Натаниеля Готорна, тоже можно интерпретировать в этих эволюционных терминах. Здесь показаны две разные группы людей. Первая, представленная врачом Роджером Чиллингвортом и губернатором Биллингом, показывает, что выживание лучше обеспечивается с позиции господства, неуважения к правам других, монополизации более молодых женщин для размножения и контролем над поведением, которое могло бы подорвать социальную иерархию. Генотип этой группы, вероятно, эволюционно старше, поскольку авторитарный контроль над членами группы, может быть, был более полезен для выживания в более архаической среде, когда принудительное единодушие облегчало групповые действия в защиту сообщества, основанного на господстве и иерархии.

Однако на эволюционном пути человека произошла некоторая корректировка генотипа человека, и возникла вторая, совершенно иная версия человечества. Натаниэль Хоторн в характерах своих персонажей изображает некоторые качества этого нового фенотипа человека: большую когнитивную гибкость, больше эмпатии, большую способность абстрагироваться и фантазировать, уважение к правам человека, резистентность к контролю, осуществляемому старшим поколением над женщинами и молодыми людьми. Теперь мы знаем, что различные области мозга, о которых говорилось выше, объясняют эти различия в мировоззрении, причем миндалина намного старше по своему происхождению, чем передняя кора головного мозга.

Таким образом, по изучаемому роману можно было бы сделать снимок эволюции человека в ее процессе, и он захватывает не только две идеологии, но и две версии Homo Sapiens в их архаическом конфликте.

Для иллюстрации своих теоретических выкладок Майкл Райан приводит далее в пример когнитивный анализ пьесы Шекспира «Король Лир». «Король Лир» – это, прежде всего, «телесная пьеса». Актеры «обнажены» в определенных сценах. Они говорят ужасные вещи о женских телах. И тела персонажей часто непроизвольно как бы извергают вспышки гнева, горя и стыда.

С точки зрения когнитивного литературоведения интересно, что это также инверсированная пьеса, и одна из главных инверсий, которая происходит в пьесе, – когда разум и чувство меняются местами. Эта телесная динамика, которая проваливает когнитивную саморегуляцию, не контролирующую произвольные движения аффекта, фигурирует в вербальных построениях, таких как «Самая справедливая Корделия, ты самая богатая, будучи бедной» или «Большинство лучших людей покинуты и самые любимые презираемы».

Если эти формулировки выражают схемы тела в когнитивной метафорической форме, то то, что они регистрируют, – это опыт перевертывания с ног на голову, движения, которое имеет сильное дезориентирующее действие, похожее на то, что чувствует Корделия, когда ее изгоняют те, кого она любит больше всего. Вербальные инверсии первого акта предсказывают более поздние инверсии, которые произойдут дальше по сюжету – что король Лир будет свергнут и обеднеет, что положительный персонаж Кент окажется в государственных изменниках, что добродетельный Глостер будет подвергнут пыткам и ослеплен, что Эдгар потеряет благосклонность отца и будет изгнан. Все это является результатом господства желаний над саморегуляцией, жадности и амбиций над сдержанностью. Когда Лир сходит с ума, он говорит открыто о мятежных желаниях и женщинах-кентаврах, у которых преобладают низменные страсти. В этой пьесе Шекспира телесные желания и низменные инстинкты подрывают власть разума.

Тем не менее эта чрезвычайно эмоциональная пьеса плохо вписывается в схему ценностей эпохи Возрождения, присутствующую в других пьесах Шекспира, таких как «Гамлет», в которой утверждается, что то, что делает нас людьми, это и есть контроль, осуществляемый разумом над страстью. Эта парадигма появляется в «Короле Лире», когда Кент противоречит королю Лиру и выступает против изгнания им Корделии. Он обвиняет короля в безумии, «ужасном безрассудстве». Подразумеваемая норма поведения для Кента заключается в том, что король должен контролировать свои эмоции. Выйти из-под контроля – все равно что быть женственным и, следовательно, не походить на короля в понимании добродетели в эпоху Ренессанса. Такой Лир на самом деле непригоден для того, чтобы быть королем, потому что он ведет себя опрометчиво в первом акте пьесы. Его поведение контрастирует с поведением Корделии, которую можно похвалить за умение контролировать свои чувства, как и полагается королеве.

Но роль эмоций в пьесе не исчерпывается использованием их в этом знакомом Ренессансу моделировании добродетельного мужского поведения на идеале регулирования его якобы женских эмоций по мужскому образцу. Эмоции приобретают более позитивную функцию в изображении безумия Лира и становятся мерой разграничения персонажей, которые обладают сочувствием, и тех, кому не хватает эмпатичных когнитивных способностей. Когда Лир начинает сходить с ума, метафорически это выражается как «провал в горе»: «Но это сердце разбивается на сто тысяч осколков/О, дурак, я сойду с ума». И если слезы Лира вызывают презрение и злобу у Гонерильи и Риганы, то Корделии они внушают жалость и сочувствие.

В пьесе эмоции используются для измерения добродетели, а добродетель состоит в том, чтобы чувствовать себя Другими, отождествлять себя с их страданиями и предпринимать шаги для их устранения. Отрицательные персонажи изображаются как те, кому недостает сопереживания к страданиям других. Если бы мы рассматривали пьесу в эволюционной системе когнитивистики, мы должны были бы сделать вывод о том, что здесь присутствует конфликт между людьми, которые несут в себе более архаическое родовое генетическое предпочтение, основанное на выгоде, при котором преимущество выживания состояло

в получении удовольствия от причинения боли другим людям, потому что это облегчало конкуренцию за скудные ресурсы, и даже облегчало убийство конкурентов; и таких людей, как Кент, Глостер и Корделия, которые отвергают такое поведение из-за вновь приобретенных эволюционных черт, таких как эмпатия, которая позволяла нашим предкам жить вместе в больших гетерогенных сообществах, как родовых, так и вне родовых. До определенного момента в эволюционной истории древние люди объединились только с родственниками в группы для самозащиты, которые сражались с другими группами за ресурсы. Появление крупномасштабных кооперативных сообществ потребовало новых когнитивных навыков, и это проявляется в таких персонажах, как Эдгар и Корделия.

Пьеса Шекспира также связана с другим человеческим когнитивным талантом с эволюционными и адаптивными корнями – с обманом. Эдмунд обманывает своего отца и своего брата, делая вид, что Эдгар готовит заговор против отца, и добивается его изгнания. Теперь он может занять место Эдгара как привилегированный, законный сын, который унаследует титул и собственность своего отца. Наша способность к обману является в некотором отношении обратной стороной способности к эмпатии – способности воображать жизнь других людей и ощущать, что происходит в их умах. Обманывая Глостера, Эдмунд осознает, как, каким образом думает его отец и манипулирует им.

Почему мы обманываем? Обычно обман позволяет нам приобретать что-то позитивное, такое как богатство или статус или какая-то другая личная, приятная выгода, либо обман помогает нам избежать чего-то негативного, такого как оскорбление и стыд. Обе эти возможности представлены в действии фильма Вуди Аллена «Ты встретишь высокого мрачного незнакомца». Один писатель впадает в кому, а другой писатель, чья карьера не складывается, крадет его рукопись, притворяется, что это его произведение, и в результате получает большую известность. Но фильм все же завершается его разоблачением и позором. Почему природа дала нам чувство стыда? Скорее всего, этому способствовало возникновение социализации в широких масштабах, поскольку стыд сигнализирует, что люди нарушают нормы, необходимые для цивилизованных сообществ.

Так каким образом чувство стыда действует в «Короле Лире»? Означает ли, что эта пьеса есть урок тому, кто нарушает нормы, соблюдение которых в течение эволюционного времени стало настолько необходимой особенностью нашей биологической структуры, что мы уже обладаем процедурами наказания – позором – для тех, кто нарушает эти нормы? И какие нормы, которые в эволюционном смысле могут считаться существенными для гражданского существования, нарушил король Лир?

Намеренно ли обманывают Лира Гонерилья и Ригана в первом акте пьесы? Или их поведение – только реакция на его опрометчивое поведение? Шекспир хочет, чтобы мы одобрили Лира и Корделию и осудили поведение Гонерильи и Риганы. Но давайте более пристально рассмотрим эмоции этих сестер. Неужели с их стороны несправедливо злиться на то, чем занимаются Лир и его слуги в количестве 100 человек на территории их владений? Как бы вы себя чувствовали, если бы кто-то остался у вас и разгромил ваш дом? Создавая свои аргументы в пьесе, обязан ли Шекспир ссылаться на эмоциональные реалии, которые работают против его художественных целей?

Этим провокационным вопросом Майкл Райан заканчивает свое когнитивное исследование шедевральной пьесы Шекспира. На этом заканчивается и наша лекция.

Вопросы для закрепления темы:

1. В чем суть методологии когнитивного анализа художественного текста?
2. О каких двух человеческих фенотипах идет речь в лекции? Как они формируются? На каких примерах Майкл Райан доказывает эту свою гипотезу?
3. Почему эта методика анализа художественного текста так актуальна сегодня?

Литература:

1. Tsur R. Toward a theory of cognitive poetics. Amsterdam: Elsevier, 1992. – 580 p.
2. Stockwell P. Cognitive Poetics – An Introduction. London: Routledge, 2002. – 169 p.
3. Ахапкин Д. Когнитивный подход в анализе современных художественных текстов // НЛО, 2012, № 114. Электронная версия: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/114/a39.html>
4. Когнитивная поэтика: проблемы, опыт исследования. Науч. ред. А. Камаловой. Olsztyn, 2011.